

«Бог создал Адама и Еву. Бездыханные, лежали они на зеленой бутафорской траве.
— А теперь уйдите, — сказал Бог своим подручным Ангелам, — я вдохну в них душу.
И-за кулис вышли два актера. Это они и были — Души, оживившие Адама и Еву».
(Из спектакля И. В. Штока «Божественная комедия» в постановке Центрального театра кукол под руководством С. В. Образцова).

(Снимок сверху). Рождение спектакля. Сергей Владимирович Образцов делится своими замыслами с соратниками по творчеству — режиссерами, актерами, художниками.
(Снимок внизу) — а это и есть рогатки, на которой в обычных позах ожидания спектакля застыли куклы-актеры.

Зритель любознателен. Закулисная жизнь спектакля, тщательнейшим образом скрываема от него ширмами и занавесами, волнует его воображение. Я поведаю его ту да, куда ему, как «постороннему лицу», вход строго запрещен — на сцену и за кулисы Центрального театра кукол. Итак, спектакль с черного хода.

В МУКАХ РЕПЕТИЦИИ

УТРО в театре — всегда репетиция. И даже сразу две — у каждой из двух трупп театра свой репертуар. В тесной комнате на антресолях собрались режиссеры, актеры, художники, рабочие сцены — все те, кто ставит на новый лад старую, много раз пережитую сказку о котике и сапожнике.

Репетиция начинается с дискуссии. Предмет спора — шляпу Кота — по очереди меряют в руках Сергей Владимирович Образцов и Владимир Яковлевич Липман (сам Кот, хозяин шляпы). Подробнейшим образом обсуждаются цвет, фасон и даже вес шляпы (как много весит для актера-кукольника несколько килограммов!). И все-таки вопрос так и остается нерешенным к началу собственно репетиции.

Настав устроены «черновые» декорации изображают мост и деревня. Репетируют сцену, когда Кот застывает хозяина — Жака (его играет один из самых молодых актеров театра Витя Рабов) раздевает и лезет в воду в ожидании королевской кавалькады. Итак, Кот выходит на сцену, смотрит в воду и шевелит хвостом.

— Хозяин...
— Стоп, стоп, стоп! — кричит Сергей Владимирович Образцов, слово, излюбленное всеми режиссерами на свете. — Формально. Не понял. Повторите. Вот теперь лучше...

Работа началась. Что такое репетиция, наверное, каждый себе представляет. Что-то вроде пластики, которую бесконечно «ездят» в одном и том же месте. Каждая репетиция имеет свой камень преткновения.

— Торопись, хозяин, а то я рассержусь... — Наступает самый шкатульный момент, когда Кот раздевает Жака. Но Кот есть кот, тем более кукла, и раздевать Жака он не в состоянии. Поэтому в ход пускается обычная в таких случаях хитрость кукольников — дублеры. Кот тащит на кузове упрямого Жака, только не уже не тот Жак, которого мы только что видели, а его полуодетый дублер — дублер.

— Торопись, хозяин... Эта фраза оказалась роковой. Вдруг выясняется, что актеры не могут раздеться, что не хватает подставки, что они упираются и т.д. Тотчас все берется решать вопрос о подставках. Ищут рулетку, зовут инженера сцены, рабочие спорят о размерах подставок.

— Торопись, хозяин...
— Опять не получилось! Все не то, не то... — нервничает Образцов.
— Чего вы хотите? — недоумевает актер.
— Чтобы кукла была жон...

Смотрите, ничего не смущает это требование...

Сергей Владимирович уводит актера на репетицию «Необыкновенного концерта» (в южной редакции). Там тоже раздается: Актеры дружно ругают маленькую, но по плечам, голову куклы-дирижера. Сергей

уже никак быть сторонним наблюдателем. Репетиция — это всегда творчество. Конечно, уже в тысячный раз Кот становится с хозяином шляпу.
— А что, если... Пусть он снимает шляпу потом. Голый и в шляпе. Наверное, смешно... — предлагает кто-то.
Все оживляется. Пробуют, смех...
— Плохо... Не получается эффекта раздвигания... после нескольких попыток объявляет режиссер, — давайте по-старому.

ся только одно — лицо куклы. Неподвижное лицо, которое в лучшем случае едва морщит глазки и раскрывает рот. Минимум, настроенное душевно переживать «все это исполняет голос актера».

Спектакль разыгрывают, как по нотам. Актеры ведут свою роль и помогают друг другу. Я уже знаю, каким трудом достигается эта слаженность. Попытка держать руку сверху больше пяти минут. Да и ней еще купула весом в килограмм. И еще играть. И на пять минут, а потом часа.

Дублеры-куклы покорно висят на специальных веревках («рогатках»), ожидая своего выхода на сцену, вернее, «врядку» — так здесь называется барьер, за которым происходит действие.

Маленький зритель не прихотлив. Его одинаково восхищает и «правдивая» вода, и гром, «который слышен на барабанах». Взрослым нужны более сложные эффекты.

ЧУДО БЕЗ ЧУДЕС

Для пущей таинственности действие мажорского пьеса чаще всего происходит в «черном кабинете». Все подмостки сцены, занавес, ширмы обиты черным бархатом.

Старый инженер по совету Петра Константиновича Власова очень обстоятельно знакомит меня с осветительной техникой. Ясно понимаю, впрочем, только одно: главный фокусник в театре — это свет. Ультрафиолетовые лучи заставляют светиться покрытые фосфоресцирующей краской тела кукол, выделяя их на черном, светоглощающем фоне. Невидимые глазу актеры в черном ходят по сцене, создавая всякие волшебные эффекты.

Вечерние представления «Божественная комедия» — спектакль со множеством актеров и декораций. Спектакль, в котором боги не дают людям, а людям — кукол. На сцене шла сосредоточенная, напряженная работа. В зале отдыхали и смеялись зрители.

Я решила вернуться в зрительское лоно. Я чувствовала себя достаточно умудренной и несколько разочарованной. «Вот я и постигла всю механику обмена», — думала я, прощаясь сзади строй кукольных дублеров — Адама и Еву. — Четыре расставлены, 30-жале. Никогда не смогу и взглянуть на спектакль глазами-инженерного зрителя».

А через пять минут в сцену была в плену волшебного обмена. Бесшумно выходя куклы сменяли в руках актеров. Они плавали и смеялись, страдали и любили...

Сверхчеловеческое чудо. Каждодневное, вечное и обыкновенное — театральное действие.

Н. АЛЕЙНИКОВА

ГЛАЗАМИ ЗРИТЕЛЯ

Эти двое — московские гитаристы, участники нового, «необыкновенного» конкурса, изобретенного на мастерских театра. Фото В. РУБАШИЙОВА

Владимирович разглядывает куклу и наконец решает:

— Его надо немножко опустить вниз, тогда и голова покажется больше. Легкая голова... А мне он даже нравится. Он был тем, что у него есть характер.

Удача недоразумения, главный режиссер возвращается во владения Кота.

— Ну, чем вы занимались без меня?

— Голой техникой, в бухгалтерном смысле, — докладывает режиссер спектакля Владимир Павлович Попрыкин.

Наконец удается раздеть Жака.

Двадцать терпеливых актеров, в тысячный раз повторяющих заезженую в ухах реплику. Изумляет неутомимая дотошность, с которой отшлифовывается каждое движение куклы (чтобы ничего формального!), извешивается каждое слово (чтобы ни одного лишнего слова!), выверляется каждая шаг актера за ширмой (чтобы ничто не мешало его сложной работе). Словом, все доводится до предела выразительности.

И все-таки больше всего времени уходит на обсуждение технических проблем.

Тагостно тянется репетиционная веселка. Она вытягивает даже самого стороннего наблюдателя. «Я вдруг поймал себя на том, что чуть не врякаюсь со своим предложением и без того неровный ход репетиции... Теперь...

Но это «уже никого не смущает. Идея старая, остальное заряд бодрости. Наконец удается проскочить злополучную сцену. На мосту появляется королевская кавалькада. И тут оказывается, что одна из лошадей невозможно узкогрудая... Приказывает художника».

Репетиция кончается почти перед самым началом дневного спектакля.

ЕСЛИ БЫ КУКЛЫ ГОВОРИЛИ

СВЯТАЯ святых театра — сцена — напоминает небольшой склад. Какие-то загадочные деревянные конструкции, тележки, шкафы, где в ящиках зрится спектакль (куклы, декорации и прочие постановочные атрибуты). Актеры раскладывают коробки с надписью «Беселье мадежакта». Это маленький спектакль для малышей. Маленький — потому что участвуют всего 5 актеров. Алла Сироткина, Вера Жукова и Наталья Образцова — всеобщие мадежакта — надевают юбки — та-сейчас, с которых модно-научили театр. Модерные юбки на пробке. Они должны «подрываться» (ост актеры под ширму).

Тыща... Отправляется занавес. За ширмой — идет под-звонная игра. Актер театра — лунис — двойной актер. «Бдиль в двух лицах, из которых публике являет-